

Эдуард ЛИМОНОВ

Поэт-бухгалтер (Несколько ядовитых наблюдений по поводу феномена И. А. Бродского)*

Для невинного и неискушенного читательского восприятия писатель — святыня. Для своего брата писателя он более или менее любопытный шарлатан со своими методами оглушения публики. У него можно или поучиться приемам обмана, или пренебрежительно осудить его за отсутствие воображения и устарелые методы.

Без эпитета «выдающийся» (и это самый умеренный из употребляемых) имя Иосифа Бродского в русской печати не появляется. Любая сколько-нибудь значительная группа человеческих существ (так же как и любая группа животных) тяготеет к образованию своего эстаблишмента, русская эмиграция не исключение.

Стихи Бродского нравятся всем. Почему? Они соответствуют представлению и обывателя, и профессора о том, какими «настоящие» стихи должны быть. Вспоминаются Гомер, Данте, Минаев, Элиот, — все эти сверх-пушки поэзии. Так, гигантские картины в золоченых рамах, выполненные маслом на холсте, впечатляют испуганного провинциала в музее. Мимо листочка бумаги с рисунком Клее обыватель пройдет пренебрежительно, не замедлив шагов. Бумага — вещь несерьезная. Для возникновения уважения обывателю нужны вес, квадратные метры холста, рама и позолота. Все эти достоинства он находит в стихах Бродского.

Как и Солженицын, Бродский — литератор крупнокалиберный, так сказать, литератор тяжелого веса. Еще одна Большая Берта русской литературы. И дело тут не только в том, что стихотворения его затягиваются порой на десятки страниц и редко ограничиваются одной (метры холста). Как искусный профессионал, Бродский не жалеет и позолоты. Даже лексика его стихотворений намерен-

* Впервые: Мулета: альм. Париж: Edition «Vivrisme», 1984. Печатается по этому изданию.

но завышена, он употребляет большей частью высокого штиля словеса — «чело», «одесную», «дары», «мирозданье», «Кибела», «Урания», «Клио», «апофеоз» и тонны других. Ритмика стихов Бродского в большинстве случаев тяжелая и торжественная. Никто не знает, как нужно писать. Наш стиль — суть наши повторяющиеся погрешности, Бродский тоже не знает. Его стихотворения все больше и больше напоминают каталоги вещей. Вещи — его слабость.

Почти все стихотворения написаны по одному методу: недвижимый философствующий автор обозревает вокруг себя панораму вещей. Скажем, Бродский, проснувшийся в номере венецианского отеля, с грустной обязательностью (делать нечего, они тут) перечисляет нам предметы, обнаруженные им в спальне при пробуждении... Затем (почти единственное действие в стихотворении) передвинувшийся к окну поэт сообщает нам, что он видит за окном: «шлюпки, моторные лодки, баркасы...». Далее следует более или менее удачно-неудачное сравнение: «— как непарная обувь с ноги творца...». Метод сравнения употребляется им бесчисленное количество раз. Назвал предмет — и сравнил, назвал — и сравнил. Несколько страниц и сравнений — и стихотворение готово. Порою интересно читать эти каталоги, страницы каталогов, порой — скушно.

Поэт Иосиф Бродский малоподвижен. Ему не хватает темперамента. Во всех без исключения стихах его автор-герой пребывает в состоянии меланхолии. Однако же стихи его выгодно выделяются на фоне всеобщей плаксивости нашей «отечественной словесности» (стилистически его, бродское, пышное выражение). Плаксивость заменена у Бродского тяжелой космической меланхолией. Иосиф Бродский никогда не бывает в состоянии восторга. Взрывов у него нет. Человек он невеселый. Классицист. Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира. Перышки ястреба.

Обращаясь с абстракциями — с мирозданьем, Богом, космосом, манипулировать ими Бродский умеет. Куда хуже обстоит дело с человеческими существами. Редкие женщины в его стихах или совершенно недоступны, он их боится «и набрать этот номер мне / словно выползти из воды на сушу», или очень доступны и тогда они до вульгарности приземлены. Бродский не знает как себя вести в моменты интимности — пытаюсь быть свободным и мужественным — он вдруг грязно ругается. В устах почти рафинированного интеллигента, *man of letters**, каковым Бродский хочет быть (и, очевидно, на 75% является), ругательства, попытки ввести

* *Man of letters* — литератор, писатель (англ.). — *Ред.*

выражения низшего штиля типа «ставил раком», звучат пошло и вульгарно. Бог, которого Бродский так часто поминает, не дал ему дара любовной лирики, он груб, когда пытается быть интимен.

Изгнание Бродского — это изгнание импозантное, шикарное, декадентское, изгнание для людей со средствами. Географически — это Венеция, это Рим, это Лондон, это музеи, храмы и улицы европейских столиц. Это хорошие отели, из окон которых видна не облупленная стена в Нью-Джерзи, но венецианская лагуна. Единственному из сотен эмигрировавших русских поэтов Бродскому удастся поддерживать уровень жизни, позволяющий размышлять, путешествовать и если уж злиться, то на мироздание. У него достаточно времени на то, чтобы обдумать свои исключительные, возникшие, разумеется, не из «подлой жизни» сравнения: «Город выглядит как толчея фарфора / и битого хрустала...»

Стихи Бродского предназначены для того, чтобы по ним защищали докторские диссертации конформисты славянских департаментов американских университетов. Автора же таких стихов следует выбирать во многие академии, что и происходит; и, в конце концов, с помощью еврейской интеллектуальной элиты города Нью-Йорка, с восторгом принявшей русско-язычного поэта в свои, я уверен, Иосиф Александрович Бродский получит премию имени изобретателя динамита. Почему же он, изгнанник из страны снегов, пишущий на русском, а не местный ньюйоркец выбран и подталкивается на эту важную роль? По одной простой причине — в наше время в Нью-Йорке невозможно найти аборигена, пустившего ростки из руин классицизма. Абориген, будь то Джон Ашбери или польсевший Аллен Гинсберг, или не известный мне X, скорее всего, будет следовать традиции более современной. И только в огромном культурном холодильнике, который представляет из себя страна снегов, плохоразвитые чудаки из национальных меньшинств (евреи, чукчи, чуваша) все еще ищут венки сонетов.

С сегодняшними русскими поэт, кажется, поладил. Но еще не известно, каким найдут Иосифа Бродского сзади идущие поколения. В истории литературы было неисчислимое множество фальшивых кумиров. А вдруг автор монотонных и труднозапоминающихся тяжелых строф — один из них?

